

РУССКАЯ КУЛЬТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ КАК ОСНОВА ПРЕОБРАЖЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО МУЗЫКАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: «ДУХОВНАЯ ОЧЕВИДНОСТЬ»

Л. А. Рапацкая,

Московский педагогический государственный университет (МПГУ),
Москва, Российская Федерация, 119435

Аннотация. Отголоски реформы высшего отечественного музыкально-педагогического образования, осуществляемой «сверху», почти не слышны в среде университетских педагогов-практиков, поскольку явно не имеют чётко обозначенной национальной парадигмы движения в будущее. Сегодня высшая музыкально-педагогическая школа стремительно утрачивает главное – ясно сформулированное и реализованное на практике целеполагание подготовки специалистов, вытекающее из многовековых культурных традиций России. Возникает вопрос: нужна ли педагогам-музыкантам заявленная реформа или есть необходимость преобразования апробированного на практике богатого исторического опыта? В отечественном музыкально-педагогическом образовании ценится прежде всего сохранность русской культурной традиции, которая обеспечивает устойчивость основ профессиональной подготовки учителя музыки в современном педагогическом университете. Русская культурная традиция рассматривается в статье как устойчивая и методологически значимая категория педагогики музыкального образования, имеющая разные смысловые контекстные уровни: сохранность устойчивых основ профессионального «ремесла», значимость которого для музыканта неоспорима; постижение и дальнейшая трансляция ценностей и идеалов, воплощающих высшее духовное начало неизречённого искусства звуков. Мировоззренческий «взрыв» и бурное обновление отечественной гуманитарной мысли конца XX столетия существенно расширили возможности глубокого переосмысления феномена русской культурной традиции с позиций новой для России науки – культурологии, в содержание которой постепенно вошла категория христианской духовности и связанный с нею духовный анализ культурных явлений. По «рабочему» определению автора статьи, культурологическое направление сегодня представляет собой открытую вариативную систему научных подходов, общим основанием которых является признание духовного приоритета в анализе и оценке музыкального искусства и музыкально-педагогической деятельности.

9

© Рапацкая Л.А.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Универсальность духовного анализа, распространяемая на весь континуум музыки (храмовой, народной, светской), предопределяет его практическую педагогическую значимость. Можно утверждать: вектор необходимых грядущих перемен профессиональной подготовки будущих учителей музыки предопределён не реформированием, но преобразованием утвердившегося в течение веков содержания музыкально-педагогического образования на основе русской культурной традиции в её изначальной целостности. Этот процесс предполагает не только трансляцию установок музыкального «ремесла», но и ориентацию на высокую духовность русской культуры.

Ключевые слова: реформа высшей школы России, задача преобразования музыкально-педагогического образования, методология педагогики музыкального образования, учитель музыки, русская культурная традиция, профессиональное музыкальное ремесло, культурологическое направление педагогики музыкального образования, категория духовности.

Благодарность. Статья выполнена в контексте научной работы кафедры методологии и технологий педагогики музыкального образования имени Э. Б. Абдуллиной Института изящных искусств Московского педагогического государственного университета. Автор благодарен редакционной коллегии журнала за ценные советы при подготовке статьи к публикации и за поддержку в развитии культурологического направления педагогики музыкального образования.

Для цитирования: Рапатская Л. А. Русская культурная традиция как основа преобразования отечественного музыкально-педагогического образования: «духовная очевидность» // Музыкальное искусство и образование / Musical Art and Education. 2024. Т. 12. № 2. С. 9–23. DOI: 10.31862/2309-1428-2024-12-2-9-23.

DOI: 10.31862/2309-1428-2024-12-2-9-23

THE RUSSIAN CULTURAL TRADITION IS THE BASIS FOR THE TRANSFORMATION OF RUSSIAN MUSICAL AND PEDAGOGICAL EDUCATION: “SPIRITUAL OBVIOUSNESS”

Lyudmila A. Rapatskaya,

Moscow Pedagogical State University (MPGU),
Moscow, Russian Federation, 119435

Abstract. Echoes of the reform of higher domestic musical and pedagogical education, carried out “from above”, are almost not heard among university teachers-practitioners. This reform does not have a clearly defined national paradigm for moving into the future. Today, the Higher School of Music and Pedagogy is rapidly losing the main thing – a well formulated and implemented goal setting for training specialists, which follows

from the centuries old cultural traditions of Russia. The question arises: do teachers-musicians need the stated reform or is there a need to transform the rich historical experience tested in practice? In Russian music and pedagogical education, first of all, the preservation of the Russian cultural tradition is valued, which ensures the stability of the foundations of professional training of a music teacher in a modern pedagogical university. The Russian cultural tradition is considered in the article as a stable and methodologically significant category of music education pedagogy, which has different semantic and contextual levels: preservation of the stable foundations of professional “craft”, the significance of which for a musician is indisputable; comprehension and further translation of values and ideals that embody the highest spiritual principle of the ineffable art of sounds. The ideological “explosion” and the rapid renewal of Russian humanitarian thought at the end of the twentieth century significantly expanded the possibilities for a deep rethinking of the phenomenon of the Russian cultural tradition from the perspective of a new science for Russia – cultural studies, which gradually included the category of Christian spirituality and the spiritual analysis of cultural phenomena associated with it. According to the “working” definition of the author of the article, the cultural direction today is an open variable system of scientific approaches, the general basis of which is the recognition of spiritual priority in the analysis and evaluation of musical art and music pedagogical activity. The universality of spiritual analysis, which extends to the entire continuum of music (temple, folk, secular), determines its practical pedagogical significance. It can be argued that the vector of necessary future changes in the professional training of future music teachers is determined not by reforming, but by transforming the content of music and pedagogical education that has been established for centuries on the basis of the Russian cultural tradition in its original integrity. This process involves not only broadcasting the settings of the musical “craft”, but also focusing on the high spirituality of Russian culture.

Keywords: reform of the higher school of Russia, the task of transforming musical and pedagogical education, methodology of pedagogy of musical education, music teacher, Russian cultural tradition, professional musical craft, cultural direction of pedagogy of musical education, category of spirituality.

Acknowledgement. The article is carried out in the context of the scientific work of the Department of Methodology and Technology of Pedagogy of Music Education named after E. B. Abdullin of the Institute of Fine Arts of the Moscow Pedagogical State University. The author is grateful to the editorial board of the journal for valuable advice in preparing the article for publication and for support in the development of the cultural direction of music education pedagogy.

For citation: Rapatskaya L. A. The Russian Cultural Tradition is the Basis for the Transformation of Russian Musical and Pedagogical Education: “Spiritual Obviousness”. *Muzykal'noe iskusstvo i obrazovanie* = Musical Art and Education. 2024, vol. 12, no. 2, pp. 9–23. DOI: 10.31862/2309-1428-2024-12-2-9-23.

Введение. Камо грядеши?

Распалась связь времён...
У. Шекспир [1]

Заменив освобождающий свет высокой
музыки на язык порабощающей
и околдовывающей тьмы,
мы убили душу нового поколения.
В. В. Медушевский [2, с. 31]

Основное содержание статьи родилось не только и не столько в опоре на труды признанных корифеев науки, сколько под впечатлением повседневной работы автора, что называется, «на земле», в процессе общения со студентами-магистрантами, аспирантами и коллегами-педагогами МПГУ. Этот опыт породил многочисленные вопросы, насыщенные по-музыкантски эмоциональным отношением к переменам в жизни российской высшей школы. Первая попытка ответов, далеко не полных, изложена далее.

Начнём с того, что отголоски назревшей реформы высшего отечественного педагогического образования, осуществляемой «сверху», почти не слышны в среде университетских педагогов-практиков, поскольку явно не имеют чётко обозначенной национальной парадигмы движения в будущее. К примеру, из известных на сегодняшний день неуклюжих установок на обновление профессиональной подготовки будущих учителей музыки не вырисовывается главное – её стратегическая цель, словно «зависшая в воздухе» на фоне сформулированного ещё В. В. Маяковским и хорошо известного всем ещё с детского возраста вопроса: «Что такое хорошо и что такое плохо?» Иначе говоря, приступая к реформе музыкально-педагогического образования, переживающего, на наш взгляд, период глубокого кризиса,

следовало бы проанализировать, что, собственно, было «хорошо», а что «плохо» в советской и современной постсоветской двухуровневой системе (к которой, кажется, все достаточно быстро приспособились). Однако на сегодняшний момент мы, сохраняющие верность малочисленному сообществу педагогов-музыкантов высшей школы, в отличие, например, от представителей технических специальностей, до конца не осознали историческую необходимость и значимость грядущих перемен. Жаль! Поскольку вновь можем действовать в логике некогда популярного советского анекдота, который начинается с лозунга: «Верной дорогой идёте, товарищи!» – а далее расставляются точки над *i*: «Но не в ту сторону!» Тогда что же «пошло не так» в наши дни? Нужна ли реформа музыкально-педагогического образования или есть необходимость преобразования уже накопленного исторического опыта?

Сегодня высшая музыкально-педагогическая школа стремительно утрачивает главное – чётко сформулированное и реализованное на практике **целеполагание подготовки специалистов, вытекающее из многовековых культурных традиций России**. То целеполагание, которое позволяет преподавателям в конкретной музыкально-педагогической деятельности ориентироваться на конечный результат своей работы, в непростых условиях торжествующих во всём мире так называемых «постхристианских» духовных и эстетических ценностей. То целеполагание, которое понимает и принимает абитуриент, избравший профессию учителя искусства. «Очевидные вещи!» – скажут многие. И будут правы до того момента, пока не услышат ответы студентов – будущих учителей музыки – на вопрос: а по какой специальности они обучаются в педагогическом вузе?

В ответах, полученных нами в ходе неформальных бесед с музыкантами, обучающимися в педагогических университетах, были заявлены различные исполнительские направления, поскольку студенты уверены, что их «специальность» – это фортепиано, скрипка, вокал, эстрадные инструменты... Но почти никто не задумался о том, какая же профессия будет указана в его будущем дипломе. Не поделился всегда запоминающимися впечатлениями от первого опыта общения с детьми в период педагогической практики на уроке музыки в общеобразовательной школе. Многие студенты искренне удивились предложению поразмышлять о той особой социальной ответственности, что должен принять на себя педагог-музыкант в наши дни культурного плюрализма и размытости нравственных ориентиров. Иначе говоря, почти каждый ещё не доучившийся бакалавр педагогического образования, отбросив сомнения, мнит себя в будущем не учителем, а исполнителем – пианистом, саксофонистом или, что ещё «круче», эстрадным певцом...

Отнюдь не умаляя роли исполнительской составляющей в профессии учителя музыки, всё же спросим себя: для чего в трудные послевоенные годы в СССР были открыты дорогие для государства факультеты музыки в педагогических институтах? Наверное, вовсе не для того, чтобы эти факультеты постепенно превратились в слабую копию консерваторий?

Вернёмся к упомянутой реформе. Её ожидали как возможность переосмысления тридцатилетнего эксперимента в русле «болонского процесса». Исторически необходимые перемены представлялись средством «возвращения к пройденному», к содержанию советского музыкально-педагогического образования,

обогащённого многовековыми традиционными смыслами и ценностями российской культуры. Однако есть опасение, что мы вновь столкнёмся с привычной проблемой «реформы ради реформы», с любимой «игрой» наших чиновников «менять, ничего не меняя» путём чисто технических и бюрократических решений. В скобках замечу: вряд ли среди мыслящих представителей культуры и образования России сегодня найдётся человек, который всерьёз воспринимает изменение сроков обучения в университете или формальный отказ от слова «бакалавр» как важную «инновацию» педагогической высшей школы, как исполнение соответствующих указаний Президента России В. В. Путина.

Кто виноват? Виновных «адептов болоньи» в сложившейся достаточно запутанной образовательной ситуации уже давно «назначили». Но возникает гораздо более важный вопрос: что делать?

Обобщая отношение студентов и преподавателей к надвигающимся новациям, убеждаешься: в отечественном музыкальном образовании ценится прежде всего сохранность русской культурной традиции, которая и обеспечивает устойчивость основ профессиональной подготовки учителя музыки в современном педагогическом университете.

Об уровнях трактовки русской культурной традиции в педагогике музыкального образования

Само понятие «традиция» вне пояснительных слов давно перестало восприниматься как научный термин в силу возможности многозначных трактовок. И изучать основы традиции, которая есть в любой национальной культуре, можно, безусловно, с разных точек зрения.

В данном случае рассмотрим **русскую культурную традицию как устойчивую и методологически значимую категорию педагогики музыкального образования, имеющую разные смысловые контекстные уровни.**

Анализируя заявленную проблему, полезно обратить внимание на важные с исследовательской точки зрения аспекты восприятия современными педагогами-музыкантами своей профессиональной деятельности. Как правило, представители музыкально-педагогического сообщества в отечественной культурной традиции выделяют то, что с древности называется «ремеслом» (при всей несовременности этого понятия и его явной «чужеродности» в общем потоке российских образовательных перемен). Сохраним этот термин, поскольку ремесло в любом виде обучения музыкальному искусству остаётся основой исполнительского и педагогического профессионализма, передаётся из поколения в поколение, от учителя к ученику, и его неизменная суть порой не меняется столетиями. «Законы» освоения ремесла (при всей индивидуальности каждого ученика и особенностях методических приёмов работы каждого педагога) являются общими и для консерватории, и для института культуры, и для музыкального факультета педагогического университета. Они определяют направленность долговременного труда студента и преподавателя при изучении музыкального произведения. Значимость владения ремеслом для музыканта неоспорима, и эта мысль не нуждается в дальнейших доказательствах с помощью богатого арсенала отечественной научной литературы (историко-теоретической, методической, исполнительской и др.). Просто зафиксируем её как **первый необходимый уровень сохранения и развития в музыкаль-**

но-педагогическом образовании русской культурной традиции.

Вместе с тем подготовка учителя музыки в педагогическом вузе имеет более масштабные социально значимые цели и задачи, обусловленные спецификой профессии, призванной сохранить, по мысли выдающегося нашего современника, музыковеда В. В. Медушевского, особое место музыки в средостении «бытия мира и бытия человеческой души» [3, с. 214]. Речь идёт о высшем духовном начале неизречённого искусства звуков. Но, как свидетельствуют приведённые ранее факты, из практики подготовки учителей музыки за последние годы сознательно или нет «вымывается» именно духовная составляющая, олицетворяющая высший уровень сохранности русской культурной традиции в музыкально-педагогическом образовании.

Подтверждение сказанному – личный опыт автора статьи, предложившего студентам-магистрантам первого курса, обучающимся по программе музыкально-педагогического образования, «расшифровать» на конкретных примерах известное изречение В. В. Медушевского: «В музыке с очевидностью осуществляется генеральный выбор человечества – сияние славы Божией в мире или злая дьявольская пародия на неё: красота или безобразие, музыка или её низменная симуляция» [2, с. 28]. Студенты, воспитанные на постулатах эстетических представлений о музыке как искусстве красоты, первоначально даже не поняли вопроса. А затем последовал непростой разговор о том, что есть «дьявольская пародия» на музыкальный образ или «низменная симуляция» высоких смыслов искусства. А также о том, нужно ли в профессии учителя музыки подниматься на уровень понимания духовного «генерального выбора человечества»,

о котором пишет В. В. Медушевский, или достаточно сохранить верность музыкальному «ремеслу»? Здесь необходимо вспомнить сравнительно недавнюю отечественную историю, когда традиции русской культуры были, казалось бы, навсегда стёрты из памяти советского атеистического общества, но неожиданно стали «возродиться из пепла».

Во второй половине XX века в процесс подготовки учителя музыки советской общеобразовательной школы были заложены глубокие смыслы, вытекающие из мировоззренческого целеполагания обучения специалистов в вузе. Позднее сформировались новые, научно обоснованные, подходы к урокам музыки в школе. В итоге родилась не имеющая аналогов в мире отечественная музыкально-педагогическая система, к которой следует отнести массовое музыкальное образование детей и подростков и высшее образование будущих учителей музыки. Первая вершина этих достижений – концепция музыкального воспитания школьников Д. Б. Кабалевского, его «педагогическая симфония». Известный композитор и общественный деятель предложил новое видение содержания уроков музыки в общеобразовательной школе, возвысив процесс обучения до новой цели – формирования музыкальной культуры учащихся как части всей их духовной культуры [4]. Вторая вершина – труды, созданные блестящей плеядой музыкантов-исследователей, заложивших фундамент педагогики музыкального образования как самобытной российской науки (Э. Б. Абдуллин [5], Е. В. Николаева [6], Г. П. Стулова [7], А. В. Торопова [8], Г. М. Цыпин [9] и др.). Рождённые в то время идеи подготовки учителя музыки успешно развиваются в наше время, получив международное признание

(о чём свидетельствует большое количество иностранных аспирантов, исследования которых направлены на освоение основополагающих трудов в сфере российской музыкально-педагогической науки). Более того: сформировавшаяся на излёте существования СССР отечественная музыкально-педагогическая система стала своего рода «охранной грамотой» при развале страны, подсказывая пути и средства сохранения музыки для детей в российском общем и дополнительном образовании, в школах и педагогических вузах, открывая дорогу новым исследовательским подходам.

Сегодня отечественная педагогика музыкального образования как наука имеет возможность развивать обозначенные достижения не только предшествующего советского времени, но и дореволюционных столетий на основе понимания единых духовных истоков отечественной культуры от древности до наших дней. Можно утверждать: вектор необходимых грядущих перемен профессиональной подготовки будущих учителей музыки предопределён не сомнительным реформированием, но **преображением** утвердившегося в течение веков содержания музыкально-педагогического образования на основе **русской культурной традиции в её изначальной целостности**. Этот процесс предполагает не только трансляцию установок музыкального «ремесла», но и ориентацию на высокую духовность русской культуры. **Интерпретацию духовности следует признать вторым, высшим уровнем воплощения русской культурной традиции в содержании отечественного музыкально-педагогического образования**, смыслы которой остаются в зоне неопределённости современной педагогической науки, поэтому остановимся на этом более подробно.

Духовность: «назад в прошлое» и/или культурологические горизонты музыкально-педагогической науки

Категория духовности как высшее проявление русской культурной традиции в контексте музыкально-педагогической науки может быть рассмотрена в двух главных взаимозависимых аспектах. Во-первых, как составляющая содержания образования будущих учителей музыки в педагогическом университете, смыслы которой зависят от фундаментального понятия «духовность музыкальной культуры» и связанных с ней представлений о духовных основах музыкальных произведений, механизмах духовного анализа музыки любых видов и жанров. Во-вторых, духовность неразрывно связана с воспитательным процессом формирования личности обучающегося. На данном этапе трактовки категории духовности указанные аспекты могут быть рассмотрены целостно.

Начнём с того, что результаты постижения многовековых духовных устоев русской культуры лишь сравнительно недавно стали обретать достаточно доказательную форму в виде научных концепций, категорий и понятий. Прежде всего, отечественные исследователи открыли для себя необъятный мир трудов русских религиозных философов, запрещённых в советские атеистические времена – Н. А. Бердяева [10], Н. Я. Данилевского [11], И. А. Ильина [12] и др. Смыслы трактовки взаимосвязи духовности и культуры как феномена человеческой деятельности в этих работах явно не совпадали с привычными постулатами советских авторов-марксистов, поскольку в краеугольном для философской науки споре «что первично – материя или сознание?» дореволюционные мыслители, в отличие от соотечествен-

ников-атеистов последующих поколений, отдавали приоритет религиозному, духовному началу.

У истоков этой мощной мировоззренческой позиции стоял непререкаемый **«АВТОР»**, поскольку в Ветхом Завете Библии ясно сказано: культура должна служить возделыванию рая как среды обитания совершенного «духовного человека» [Быт. 2:15]. В качестве примера интерпретации этой вечной библейской «культурологической» и одновременно педагогической идеи можно привести слова И. А. Ильина: «Религиозность есть живая первооснова истинной культуры. Она несёт человеку именно те дары, без которых культура теряет свой смысл...» [12, с. 36]. Из сказанного очевидно: человек, его духовность и культура тесно взаимосвязаны самим смыслом своего существования. Однако истины Священного Писания в период господства атеизма на государственном уровне в течение многих десятилетий не могли служить материалом научного анализа. Нераздельность понятий «духовность» и «культура», глубоко осознанная философами и культурологами предшествующих поколений, оставалась незамеченной вплоть до рождения новой России.

Мировоззренческий «взрыв» и бурное обновление отечественной гуманитарной мысли конца XX столетия существенно расширили возможности глубокого переосмысления феномена русской культурной традиции с позиций новой для России науки – культурологии, в содержание которой постепенно, но неуклонно вошла категория христианской духовности и связанного с ней духовного анализа культурных явлений. Это, в свою очередь, послужило импульсом для развития нового культурологического направления в педагогике музыкального образования, **интегрировавшего**

содержание философии, теологии и музыкознания [13].

По достаточно «рабочему» определению автора настоящей статьи культурологическое направление сегодня представляет собой **открытую вариативную систему научных подходов, общим основанием которых является признание духовного приоритета в анализе и оценке музыкального искусства и музыкально-педагогической деятельности**. В качестве примера укажем музыковедческий духовно-аналитический подход, который позволил разработать круг традиционных для русской культуры православных ценностей, воплощённых в музыке (соборность, духовный реализм, евангельская красота, взаимосвязь духовного и нравственного, «всемирная отзывчивость» и др.) [14]. Так что не будет преувеличением считать отечественное культурологическое направление XXI века альтернативой «мертворождённым» постмодернистским и «постхристианским» тенденциям, воссоединяющим музыку и человека на основе ложных ценностей, навязывая исследователям-музыкантам идеи, противоречащие всему ходу развития традиций русской культуры, рождённой в недрах христианской цивилизации.

Результаты анализа категории духовности в музыкальном искусстве и образовании изложены в ряде публикаций последнего времени. Пожалуй, стоит привести фрагмент одной из них, где сказано, что «уточнение категориальной специфики духовности остаётся, быть может, одной из самых важных и актуальных проблем педагогики музыкального образования, испокон веков тяготеющей к преодолению “расщепления разума, воли и сердца” человеческого “я” с помощью неизречённого и нематериального искусства звуков» [15, с. 38].

Подлинным открытием в гуманистике последних лет следует считать выдвинутую В. В. Медушевским концепцию духовного анализа музыки, цель которого – ответ на вопрос об **источнике** воплощённого в звуках художественного образа [2]. Духовный анализ является сложным и тонким методологическим «инструментом» любой музыкальной деятельности для тех, кто видит в музыке вид искусства, открывающий с помощью звуков извечное земное противостояние добра и зла, света и тьмы, Божественного и сатанинского.

Далее сделаем некоторые дополняющие пояснения, подтверждающие необходимость включения духовности в контекст проблем сохранения и преобразования русской культурной традиции в отечественном музыкально-педагогическом образовании.

Итак, в силу идеологических обстоятельств в советских науках о музыкальном искусстве духовность специально не рассматривалась на протяжении всего XX века. Но есть исключения, которые предвосхитили изучение духовности в музыкознании и педагогике музыкального образования. Среди них палеографические и музыковедческие описания сохранившихся памятников древнерусской храмовой музыки, исследования творчества композиторов Синодального училища эпохи Серебряного века, отчасти анализы сочинений классиков русской музыки XIX – начала XX веков и произведений современных авторов на сакральные темы. То есть речь идёт о музыке, в основу которой положены либо тексты православных молитв, либо сюжеты Ветхого и Нового Заветов Библии (что, впрочем, встречается сравнительно редко). При этом анализы светских сочинений разных жанров с позиций духовных оснований, духовных идеалов,

духовного воздействия на исполнителя и слушателя, изучаемые, в частности, в классических курсах истории русской и советской музыки, не были представлены ни в музыковедении, ни в педагогике музыкального образования. Совокупный результат очевиден: к XX веку сложилась и утвердилась изначально неверная методологическая установка, согласно которой был зафиксирован постулат абсолютного несовпадения духовных смыслов музыки для храма (христианская образность) и «музыки для всех» (всё остальное музыкальное искусство в многообразии его видов и жанров).

Искусственно созданный научный «водораздел», который часто оправдывают то характером светского мышления учёных, то спецификой языка храмовой музыки, стал причиной рождения методологической двойственности не только в развитии отечественного музыковедения, но и в музыкально-педагогической науке. Примером может служить повсеместно распространённая практика произвольной трактовки исследователями таких высоких понятий, как «духовность», «духовное воспитание», «духовно-нравственное воспитание», «духовная культура», «духовность личности», освободив их «расшифровку» от самого главного – естественного контекста древнего богословского знания о человеке. Иначе говоря, авторы, как правило, выпускники музыкально-педагогических факультетов, опираются на сложившиеся в отечественной педагогике представления о нравственных началах воспитательного процесса вне его духовной первоосновы.

В подтверждение мысли о двойственном характере в понимании духовности можно также поинтересоваться текстами педагогических диссертационных работ последних десятилетий, связанных с методиками внеклассного воспитания

школьников. Многие молодые исследователи убеждены в необходимости формировать у ребёнка духовность либо духовную культуру, но при этом искренне верят, что детям можно привить духовные убеждения без особого их участия лишь с помощью правильно организованных проектов, включающих приобщение к различным культурным событиям (например, посещение театра).

Здесь уместно вспомнить крылатые слова А. С. Пушкина о том, что мы воистину «ленивы и не любопытны». И вот почему. Не только авторы древней христианской литературы, но и наши современники – богословы – изучали и изучают категорию духовности с совершенно иных позиций, которые с полным основанием можно назвать педагогическими, поскольку в центре внимания оказывается процесс становления «внутреннего» человека в бесконечном совершенствовании его духа в борьбе с собственными пагубными страстями [16]. В древних трудах первых подвижников христианского богословия, которые принято называть «патристикой», современные педагогизмы музыканты могли бы получить ответы на многие вопросы воспитания и образования, определить проверенные веками возможности постановки диагноза опасной болезни «бездуховности» и способы лечения человека от страшных её последствий и, наконец, понять истоки и смыслы духовности, которая столь вольно вошла в современный научный лексикон вне опоры на природу явления.

В стремлении преодолеть указанную двойственность в восприятии необъятного мира современного музыкального искусства культурологическое направление педагогики музыкального образования предлагает сосредоточиться не на жонглировании модным термином духовности, а перейти к серьёзному диалогу с бо-

гословской наукой. И попытаться открыть духовность не только как высшую реальность бытия (это – предмет богословских учений), но и как самое бескомпромиссное и достойное научного осмысления и практического применения средство анализа музыкально-исторических процессов, смыслов музыкального искусства, составляющих **основу постижения русской культурной традиции** в её «духовной очевидности» [12].

О трудностях преодоления инерции музыковедческого или музыкально-педагогического мышления рассуждать нет смысла. Очевидно, что культурологическое направление педагогики музыкального образования с новым пониманием духовной культуры, духовных традиций, духовного анализа музыкальных явлений предполагает дальнейшее развитие, требующее немалых интеллектуальных усилий. Но прежде всего – сторонников, понимающих необходимость перемен.

Заключение. Четыре шага к преобразению

Итак, стратегическая цель реформы – возрождение музыкально-педагогического образования как феномена русской культуры, как зеркала великих духовных национальных традиций. В рамках одной статьи не стоит перечислять все необходимые изменения в содержании подготовки учителя музыки, предоставив это научное пространство для последующих исследований. При этом следует признать неизбежность первых, по сути организационных, шагов на пути восстановления двуединой системы музыкального воспитания детей и подростков в общеобразовательных школах и подготовки учителей музыки в педагогических вузах.

Шаг первый. Необходимо пересмотреть вопрос о значимости великого ака-

демического музыкального искусства в духовно-нравственном становлении личности ребёнка, что неизбежно повлечёт возврат к советской системе уроков музыки (пения) с первого по седьмой классы для всех детей. При этом придётся расстаться с явно либеральной идеей свободного выбора школой того или иного вида искусства (живописи, танца, театра и др.), причём исключительно для изучения в младших классах. И тем паче отказаться от приоритета эстрадно-джазового искусства в дополнительном музыкальном образовании детей младшего школьного возраста, поскольку педагоги-музыканты явно не готовы к его духовной оценке.

Шаг второй. Учитывая усиливающиеся постмодернистские («постхристианские») тенденции в современном мире, необходимо законодательно закрепить за профессией школьного учителя музыки высокий общественный статус, что позволит исключить из образовательной практики свободную замену уроков музыки любыми другими дисциплинами. Напомню, что в течение XXI века уроки музыки в России постепенно превратились в наименее обязательный компонент общего образования (во многих провинциальных школах учителей музыки нет – прекрасный пример последствий беспрецедентного сокращения некогда развитой сети музыкально-педагогических факультетов).

Шаг третий. Необходимо осознать и преодолеть возникшую за последние десятилетия пропасть между явно устаревшими и удручающе формальными требованиями бывших «реформаторов» к учебным программам подготовки учителя музыки и устоями отечественной педагогики музыкального образования в её методологической интегративной мощи, вобравшей в себя достижения

философской, теологической, культурологической, музыковедческой, методической исследовательской мысли. И на этой основе проделать серьёзную «работу над ошибками», в процессе которой неизбежно канут в небытие сковывающие живую мысль «компетенции» и «цифры» устаревших нормативных документов, на смену которым придут как новые, так и забытые теории и методики, соответствующие духовной направленности профессии преподавателя высшей музыкально-педагогической школы России.

Шаг четвёртый. Усиление культурологической составляющей подготовки учителя музыки в педагогическом университете, основной смысл которой заключается в изучении духовных оснований русской культурной традиции. С этой целью потребуются пересмотреть содержание рабочих программ по общим гуманитарным дисциплинам и, по возможности, ввести в учебный план минимум один богословский предмет, на основе изучения которого, быть может, развер-

нётся столь необходимый для образования диалог духовного и светского знания.

Ещё раз обратим внимание на то, что в данной статье поставлено большое количество вопросов. Ряд из них пока что остался без ответа. На данном предварительном этапе осмысления пути «возвращения к себе» отечественного музыкально-педагогического образования зафиксируем главное: вне «диалога» с традиционными устоями русской культуры как «духовной очевидности» предполагаемая реформа высшей музыкально-педагогической школы не состоится. Эта пусть дискуссионная, но всё-таки вовремя высказанная мысль, ранее подкреплённая определёнными научными посылами, поможет внести свою лепту в будущее преобразования. Завершаю статью с надеждой, которую вселяют слова И. А. Ильина, уверенного в том, что «каждый труд “вплетается” или “врастает” в ткань мироздания, прие­млет­ся е­ю и органически питает и укрепляет её...» [18, с. 347].

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Шекспир Уильям.* Гамлет: Трагедия В. Шекспира. Акт 1, сцена 5. Монолог Гамлета (Перевод, принятый в советской и российской сценографии).
2. *Медушевский В. В.* Духовный анализ музыки. М.: Композитор, 2014. 630 с.
3. *Медушевский В. В.* Интонационная форма музыки: исследование. М.: Композитор, 1993. 262 с.
4. *Кабалевский Д. Б.* Основные принципы и методы программы по музыке для общеобразовательных школ // Программа по музыке (с поурочной методической разработкой) для общеобразовательной школы. 1–3 классы / разраб.: Э. Б. Абдуллин, Т. А. Бейдер, Т. Е. Вендрова и др.; Науч. рук. Д. Б. Кабалевский. М.: Просвещение, 1981. С. 3–30.
5. *Абдуллин Э. Б., Николаева Е. В.* Теория музыкального образования: учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академия, 2013. 431 с.
6. *Николаева Е. В.* История музыкального образования. Древняя Русь. Конец X – середина XVII столетия. М: Владос, 2003. 207 с.
7. *Стулова Г. П.* Хоровое пение в школе: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Вып. 3. М.: Ритм, 2013. 180 с.

8. *Торопова А. В.* Музыкальная психология и психология музыкального образования: учеб. пособие. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Граф-Пресс, 2010. 240 с.
9. *Цыпин Г. М.* Психология музыкальной деятельности М.: Интерпракс, 1994. 373 с.
10. *Бердяев Н. А.* Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008. 318 с.
11. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романо-германскому // ...Из русской думы / сост., авт. портретов и текста «От сложителя» Ю. И. Селиверстов. Т. 1. М.: Роман-газета, 1995. С. 190–199.
12. *Ильин И. А.* Путь к очевидности. М.: ДАРЪ, 2017. 36 с.
13. *Рапацкая Л. А.* Культурологическое направление в педагогике музыкального образования эпохи постмодернизма: история становления и характеристика основных научных подходов // Теория и методика общего и профессионального образования: музыка и изобразительное искусство. Монография / отв. ред. Л. А. Рапацкая. М.: МПГУ, 2021. С. 41–72.
14. *Рапацкая Л. А.* Цивилизационный подход в педагогике музыкального образования: методологические основания и перспективы развития // Музыкальное искусство и образование = Musical Art and Education. 2021. Т. 9. № 4. С. 9–28. DOI: 10.31862/2309-1428-2021-9-4-9-28.
15. *Рапацкая Л. А.* Духовность как категория музыкального искусства и образования // Музыкальное искусство и образование = Musical Art and Education. 2020. Т. 8. № 2. С. 34–53. DOI: 10.31862/2309-1428-2020-8-2-34-53.
16. Страсти и борьба с ними: по трудам святителя Феофана Затворника / сост. Игумен Феофан (Крюков). М.: Даниловский благовестник, 2003. 326 с.
17. *Ильин И. А.* Пути России / сост. А. Д. Путинцев. М.: Вагриус, 2007. 512 с.

Поступила 18.05.2024, принята к публикации 28.06.2024.

Об авторе:

Рапацкая Людмила Александровна, профессор кафедры методологии и технологий педагогики музыкального образования имени Э. Б. Абдуллина Института изящных искусств Московского педагогического государственного университета (МПГУ) (ул. Малая Пироговская, 1/1, Москва, Российская Федерация 119435), доктор педагогических наук, кандидат искусствоведения, профессор, obris-lar@inbox.ru

Автором прочитан и одобрен окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Shakespeare William. *Gamlet: Tragediya V. Shekspira. Akt 1, stsena 5. Monolog Gamleta* [Hamlet: The Tragedy of V. Shakespeare. Act 1, Scene 5, Hamlet's monologue]. The translation adopted in Soviet and Russian scenography (in Russian).
2. Medushevsky V. V. *Dukhovnyi analiz muzyki* [Spiritual Analysis of Music]. Moscow: Publishing House "Composer", 2014. 630 p. (in Russian).
3. Medushevsky V. V. *Intonatsionnaya forma muzyki: issledovanie* [Intonation Form of Music: A Study]. Moscow: Publishing House "Composer", 1993. 262 p. (in Russian).
4. Kabalevsky D. B. *Osnovnye printsipy i metody programmy po muzyke dlya obshcheobrazovatel'nykh shkol* [Basic Principles and Methods of the Music Program

- for Secondary Schools]. *Programma po muzyke (s pourochnoi metodicheskoi razrabotkoi) dlya obshcheobrazovatel'noi shkoly. 1–3 klassy* [Music Program (with after-school methodological development) for Secondary Schools. Grades 1–3]. Developer: E. B. Abdullin, T. A. Beider, T. E. Vendrova, etc.; Scientific director D. B. Kabalevsky. Moscow: State Publishing House “Prosveshcheniye”, 1981. Pp. 3–30 (in Russian).
5. Abdullin E. B., Nikolaeva E. V. *Teoriya muzykal'nogo obrazovaniya* [Theory of Musical Education]: Textbook for Students of Higher Pedagogical Educational Institutions. 2nd ed., ispr. and add. Moscow: Publishing House “Academy”, 2013. 431 p. (in Russian).
 6. Nikolaeva E. V. *Istoriya muzykal'nogo obrazovaniya. Drevnyaya Rus'. Konets X – seredina XVII stoletiya* [History of Musical Education. Ancient Russia. The End of the X – the Middle of the XVII Century]. Moscow: Publishing House “Vlados”, 2003. 207 p. (in Russian).
 7. Stulova G. P. *Khorovoe penie v shkole* [Choral Singing at School]: A Textbook for Students of Higher Educational Institutions. Issue 3. Moscow: Publishing House “Rhythm”. 2013. 180 p. (in Russian).
 8. Toropova A. V. *Muzykal'naya psikhologiya i psikhologiya muzykal'nogo obrazovaniya* [Musical Psychology and Psychology of Musical Education]: Textbook. Ed. 3rd, ispr. and additional. Moscow: Publishing House “Graf-Press”, 2010. 240 p. (in Russian).
 9. Tsylin G. M. *Psikhologiya muzykal'noi deyatel'nosti* [Psychology of Musical Activity]. Moscow: Publishing House “INTERPRAX”, 1994. 373 p. (in Russian).
 10. Berdyayev N. A. *Russkaya ideya* [The Russian Idea]. St. Petersburg: Publishing House “ABC Classics”, 2008. 318 p. (in Russian).
 11. Danilevsky N. Ya. *Rossiya i Evropa. Vzglyad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya slavyanskogo mira k romano-germanskomu* [Russia and Europe. A Look at the Cultural and Political Relations of the Slavic World to the Romano-German]. ...*Iz russkoi dumy* [...From the Russian Duma]. Comp., author of portraits and text “From the layman” Yu. I. Seliverstov. Vol. 1. Moscow: Roman-gazeta, 1995. Pp. 190–199 (in Russian).
 12. Ilyin I. A. *Put' k ochevidnosti* [The Path to Obviousness]. Moscow: Publishing House “DAR”, 2017. 36 p. (in Russian).
 13. Rapatskaya L. A. *Kul'turologicheskoe napravlenie v pedagogike muzykal'nogo obrazovaniya epokhi postmodernizma: istoriya stanovleniya i kharakteristika osnovnykh nauchnykh podkhodov* [Culturological Direction in the Pedagogy of Music Education of the Postmodern Era: The History of Formation and Characteristics of the Main Scientific Approaches]. *Teoriya i metodika obshchego i professional'nogo obrazovaniya: muzyka i izobrazitel'noe iskusstvo* [Theory and Methodology of General and Vocational Education: Music and Fine Arts]. Monograph. Ed. by L. A. Rapatskaya. Moscow: Moscow Pedagogical State University, 2021. Pp. 41–72 (in Russian).
 14. Rapatskaya L. A. *Tsivilizatsionnyi podkhod v pedagogike muzykal'nogo obrazovaniya: metodologicheskie osnovaniya i perspektivy razvitiya* [The Civilizational Approach in the Pedagogy of Music Education: Methodological Foundations and Development Prospects]. *Muzykal'noe iskusstvo i obrazovanie* = Musical Art and Education. 2021, vol. 9, no. 4, pp. 9–28 (in Russian). DOI: 10.31862/2309-1428-2021-9-4-9-28.
 15. Rapatskaya L. A. *Dukhovnost' kak kategoriya muzykal'nogo iskusstva i obrazovaniya* [Spirituality as a Category of Musical Art and Education]. *Muzykal'noe iskusstvo i obrazovanie* = Musical Art and Education. 2020, vol. 8, no. 2, pp. 34–53 (in Russian). DOI: 10.31862/2309-1428-2020-8-2-34-53.

16. *Strasti i bor'ba s nimi: po trudam svyatitelya Feofana Zatvornika* [Passions and the Struggle against Them: According to the Works of St. Theophan the Recluse]. Comp. Abbot Feofan (Kryukov). Moscow: Publishing House "DANILBLAGOVEST", 2003. 326 p. (in Russian).
17. Ilyin I. A. *Puti Rossii* [The Ways of Russia]. Comp. A. D. Putintsev. Moscow: Publishing House "Vagrius", 2007. 512 p. (in Russian).

Submitted 18.05.2024; revised 28.06.2024.

About the author:

Lyudmila A. Rapatskaya, Professor at the Department of Methodology and Technology of Music Education named after E. B. Abdullin of Art Institute of Moscow Pedagogical State University (MPGU) (Malaya Pirogovskaya Street, 1/1, Moscow, Russian Federation, 119435), Doctor of Pedagogical Sciences, PhD in Arts, Professor, obris-lar@inbox.ru

The author has read and approved the final manuscript.